

Как стать героем

Бёрнер Вася

Бёрнер Вася

Как стать героем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70272448

SelfPub; 2024

Аннотация

В рассказе переданы мысли и ощущения молодого солдата, оказавшегося в горнострелковом батальоне, ведущем боевые действия в условиях высокогорья.

Бёрнер Вася

Как стать героем

В результате безоговорочной победы нашего полка в ущелье Хисарак, мы, бойцы гарнизона Зуб Дракона, подумали, что на какое-то время душманы отстанут от нашего поста. Желательно, чтобы на продолжительное. Но думы наши были неверными, ожидания оказались напрасными.

Такой оборот событий не стал новостью на той войне. Практически во всех провинциях Афганистана наблюдалась похожая картина. Боевые действия на территориях, подконтрольных мятежникам, происходили по схеме: наши пришли – душманы ушли. Наши ушли – душманы пришли. Не буду говорить про все провинции, а про Панджшер расскажу, ибо видел всё происходившее своими глазами.

Проза жизни заключалась в том, что границу между Афганистаном и Пакистаном нарисовал на карте англичанин, секретарь индийской колониальной администрации сэр Мортимер Дюранд в 1893 году. Учебник географии все читали, все понимают, где находится Индия, где Англия и где Афганистан. Правители Афганистана тоже обладали похожей информацией, поэтому, после эмира Абдур-Рахмана, они стали отказываться признавать границей своего государства «линию Дюранда». А раз так, то афганские военные не дер-

жали никаких гарнизонов на границе в тех горах, где довелось действовать нашему полку. Местные племена, в силу своей безграмотности и низкого уровня политической культуры, испокон веков плевали на мнение Дюранда, и гуляли по просторам горного массива Гиндукуш так, как будто Англии не бывает, и её политических заморочек тоже. Зато подразделениям Советской Армии на территорию Пакистана проход был закрыт. Это привело к тому, что наш полк душманов из Хисарака выгнал, но догнать их, прижать на границе к каким-нибудь подразделениям афганских правительственных войск и разоружить не представлялось возможным. Для басмачей Масуда граница была прозрачной, а для нас непреодолимой. Наши бойцы по территории населенного пункта Хисарак, собрали брошенные душманами боеприпасы, противотранспортные мины и прочие взрывоопасные предметы, и пошли обратно в Руху. Не сидеть же в глухом ущелье целым полком.

Как только наши из Хисарака ушли, душманы, заразы такие, тут же припёрлись обратно. А чтобы не возвращаться из пакистанских гостей с пустыми руками, они притащили с собой в Хисарак пулемёт КПВ, до компании к своему старому ДШК.

В результате чуть ли не назавтра, после выхода наших из ущелья Хисарак, душманы открыли огонь из крупнокалиберных пулемётов ДШК и КПВ по посту Зуб Дракона с двух разных точек. Если кто-то не в курсе, то КПВ является самым мощным пулемётом в мире для всех времён и всех народов. В общем, счастью нашему не было предела.

Из-за постоянного обстрела крупнокалиберными пулями, по территории нашего поста регулярно пролетали куски твёрдого карбида вольфрама, служившего броней сердечниками выстрелов крупнокалиберных пулемётов.

Чтобы уменьшить вероятность попадания такой «пилюли» в свою голову, мы вынуждены были постоянно, ежеминутно контролировать способ своего личного перемещения во время несения воинской службы. С целью пожить хотя бы ещё немного, мы втроём притащили тёплый завтрак в «Идальню», и на время приёма пищи укрылись от пуль противника за скалами. Лично меня в моём детстве родители пинали, чтобы я не разговаривал с набитым ртом, а Андрюху Шабанова, скорее всего, не очень. Или не часто. Во всяком случае, болтовню во время завтрака затеял не Странный Химик, а Андрюха. Он взялся рассказывать про свои приключения после призыва на воинскую службу:

– Учебка моя прошла в Ашхабаде, в Тринадцатом артиллерийском городке. Там готовили специалистов в артиллерийские разведчики, а нас пришло туда пять пацанов из Коломны, пять друганов. Мы были горды своей службой, горды своей специальностью, с самого начала договорились держаться друг за друга и в учебке, и на войне, когда нас выпустят в войска.

Я никогда не стремился быть писарем, не хотел служить при штабе. Наверное, потому что помнил байку, услышанную еще на гражданке. Замполит спросил у новобранцев: – “Художники, есть?”, – “Есть,” – ответил один курсант. Замполит протянул ему лом и поставил задачу: – “Вот тебе карандаш, нарисуй порядок на плацу!” Поэтому, когда нас спрашивали, кто что может, кто чему обучен, я категорически заявлял, что ничего не умею и ничего не могу. Хотел служить, как все. Но на втором месяце службы вызвал меня замполит и начал обхаживать. Мол, надо стенгазету написать, боевой листок нарисовать, и так далее, в том же духе. Я уверенно стоял на своем, мол ничего не умею, ничего не могу. Он мне: – “Я вам, товарищ курсант, приказываю!” А я всё равно стою на своем. Дошло до того, что он пообещал испортить мне всю службу в учебке. А я ему: – “Ничего не умею!” Тогда он протянул мне письмо от моей мамы, где она, добрая душа, подробно расписала, как я учился в художественной школе и как вёл активную деятельность в техникуме, включая то, что являлся редактором в редколлегии.

Это у замполитов уловки такие, они рассылают письма родителям и ждут ответов, может кто-то что-то и напишет. Моя мама написала. В общем, отпираться уже смысла не было, замполит стал исполнять обещанное, – начал портить мне службу в учебке.

Ашхабад, Гаудан, 13-й городок, артучебка, июнь 1983г., курсант Шабанов А.В. 1-й взвод 5-ой батареи разведки.

Днем я вместе со всеми бегал по полигону, а по ночам сидел в ленкомнате, рисовал газеты и боевые листки. Ближе к концу учебки замполит стал заставлять, чтобы я обновил или заново нарисовал наглядную агитацию, то есть уличные плакаты. Для этого надо было снимать меня с занятий. В глазах друзей это выглядело бы нехорошо, и я всеми способами пытался противостоять замполиту. Саботажничал, сталкивал лбами его и командира взвода, как мог. А мог я мало, поэтому был лишен увольнений и дополнительно нагружен общественно-полезным делом. Развивал кисть, глазомер, и начал развивать боковое зрение. Хуже стало в конце, когда закончились все занятия и были сданы экзамены. Замполит эксплуатировал меня на сто процентов, и ещё заявил, что приложит все силы, чтобы меня оставили на постоянную службу в учебке. Такого я бы уже не выдержал. Поэтому, как только появились первые слухи об отправках в Афганистан, я сразу пошёл к замкомвзводу, и попросился в первую отpravку. Я ему объяснил ситуацию, он пообещал отправить.

В этом месте Андриюхиного рассказа у меня освободился рот от продуктов питания, я не выдержал и перебил братана:

– Андрюха, ну ты чекандэлла! Если бы мне выкатили подобное предложение, я от радости прыгал бы до потолка.

– А в чем радость?

– Ну, как же! Все два года службы посвятить рисованию – это мечта любого поэта, а может быть даже и прозаика. Не то, чтобы я боялся поехать на войну, но заявление в Афган не писал. Меня направили – я пошел, но особого энтузиазма и желаний я не выказывал. А если бы Родина в лице замполита сказала, что я ей нужен как художник, а не как пулемётчик, я бы согласился. Сам бы не напрашивался, но и предложение не отклонял бы. Тем более, не вступал бы в конфронтацию с замполитом.

– Я же начал рассказ с того, что нас было из Коломны пять друганов. А я такой человек, я не могу сидеть в штабике и развивать глазомер с кистью и красками в то время, когда мои друганы бегают по стрельбищу. Меня наизнанку вывернет от такого положения дел. А если бы друганов на войну отправили, а меня нет, то я выломал бы решетку в оружейке, взял бы автомат и пошел в Афган пешком через границу. Так что, замполиту ничего не светило.

– Ну, тогда ты – герой.

– А как же! Конечно, герой. Я для этого в Армию шёл, чтобы служить Родине и быть героем. Мы в то время все так считали, что мы – герои. Но в первую отправку я не попал. Тогда пошёл напрямую к командиру взвода, всё ему объяснил. Он пообещал решить мой вопрос. Сразу после моего разговора с командиром взвода, меня вызвал замкомвзвод и спросил, зачем я разговаривал со взводным. Я ему ответил, что первая отправка прошла без меня, а промедление для

меня очень чревато последствиями. Он не обиделся, а объяснил, что я неплохо служил, и он знает, куда какие отправки идут. Он направит меня туда, куда считает нужным.

Меня отправили сразу же, со следующей партией. Она оказалась в Кабул. А та, в которую я не попал, была в Кундуз. А Кабул это же круче, это – столица. Там вся движуха.

Шабанов замолчал, задумался, закурил. Я тоже закурил и тоже задумался. Меня очень напрягло его заявление насчёт «выломать решетку в оружейке». В своей голове я даже не подумал бы в эту сторону. Во-первых, потому что незаконное завладение оружием перевело бы меня из разряда «военный служащий» в разряд «военный преступник». Во-вторых, моя попытка таким образом защитить в бою четверых товарищей привела бы к тому, что я немедленно подставил бы под конфликт с законом как минимум троих товарищей из наряда и, скорее всего, ещё несколько товарищей из командиров роты или батальона. А попытка незаконно пересечь Государственную Границу просто сама по себе имела состав преступления. Морально я был не готов к такому развитию событий. Настолько сильно не готов, что усомнился в словах братана. Неужели он в самом деле пошел бы ломать решетку?

Спрашивать о серьёзности его намерений было бесполезно, навряд ли он при пацанах откажется от своих слов. Значит на мой вопрос ответит утвердительно. Он-то бы ответил, а я всё равно не поверил бы. И что дальше, спросить: – «Точ-

но-преточно пошел бы»? Не надо говорить такую ерунду, не надо устраивать «детский садик».

Прямой вопрос Андриюхе задавать я не стал, сидел, молча курил и пытался придумать ответ в своей голове. За месяц службы на Зубе Дракона несколько раз мне довелось видеть героические поступки младшего сержанта Шабанова. Например, он придумал план сгонять за водой под огневой позицией душманов, и сам пошел его выполнять. Он мог бы отправить на опасное задание подчинённых, а сам остаться на посту, но он так не поступил. Очевидно было что он не боялся погибнуть, пошел вместе с нами, со своими товарищами, чтобы поддержать нас в бою. А погибнуть под пулями душманов в той ситуации было весьма вероятно. Если человек не боится смерти, которая вот она, рядом, она реальна и почти осязаема, каждую минуту стучит бронебойными сердечниками по базальту наших позиций. Если человек её не боится, то его можно считать героем. Но на этой же позиции, вроде как бы, находился и я. Однако между мной и Шабановым была очевидная разница.

На этом этапе размышлений мне стало безразлично, пошел бы Шабанов выламывать решетку реально или произнёс эту фразу в качестве аллегии. Меня посетила более интересная мысль, неожиданно я понял, в чем отличие между мной и Шабановым. Шабанов искал способ решения, нашел его и выполнял поставленную задачу, а я сам для себя искал «отмазку». Если бы меня оставили в Союзе рисовать

плакаты, я с удовольствием остался бы, а «виноват» в этом был бы замполит. Это позиция приспособленца, а не героя. Получается, что я, вроде бы, нахожусь в одном строю с Шабановым, вроде бы, тоже служу в героическом горнострелковом подразделении, но, по сути, мне такое положение выдано авансом. И что мне делать, как оправдать доверие? Надо научиться думать, как опытный разведчик Шабанов, надо искать способ решения боевой задачи, а не «отмазки» перед самим собой. Самого себя не обманешь.